

Сергей Триумфов

*Я верю
в тебя*

Сергей Триумфов

Я верю в тебя

«Издательские решения»

Триумфов С.

Я верю в тебя / С. Триумфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855133-8

В жизни каждого бывает период одиночества. Кто не сталкивался с душевной грустью, иногда переходящей в трудно выносимое отчаяние. И тогда кажется, что радость досталась другим, но только не тебе. Что жизнь пронесла мимо тебя твой бокал искрящегося веселья. Но у каждого есть своя звезда. И она обязательно зажжется для тебя и ради тебя. Только надо верить и ждать.

ISBN 978-5-44-855133-8

© Триумфов С.
© Издательские решения

Содержание

МЕЧТА	6
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА	7
Я ВЕРЮ В ТЕБЯ	9
В ПУСТЫНЕ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Я верю в тебя

Сергей Триумфов

© Сергей Триумфов, 2017

ISBN 978-5-4485-5133-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕЧТА

Я знаю, что коврик возле твоей двери совсем забыл подошвы моих ботинок. Я знаю, что моя фотография затерялась в стопке пожелтевших газет. Я знаю, что ты мечтаешь еще раз мучиться, ругаться и не спать всю ночь, чтобы терпеть мой восторг. Я знаю, что никто тебя, завернутую в простыню, больше не выкрадывал из дома, чтобы потом до утра просить прощения. Не отмаливал грехи, чтобы потом похитить снова. Я знаю, что ни у кого больше так бешено не стучало сердце перед твоей квартирой, от чего ты испуганно открывала дверь и просила его стучать потише, чтобы не разбудить соседей. Я знаю, что тебе, в простыне и без простыни, я не успел сказать того, что теперь не могу носить в себе.

Я верю, что ржавый ключ, так долго валявшийся без дела, снова откроет знакомую дверь. Беспричинный набат моего неугомонного сердца снова напугает тебя. И меня снова укутает мир теплоты и долгожданного уюта. И два полумесяца обнаженных рук весь вечер не будут выпускать меня из своих полукружий. А я буду добровольным счастливым пленником, мечтающим только о таком бесконечном пленении.

И будут только тихие слова и бесконечный шепот горячих губ. И снова вернется потерянное лето, надолго заблудившееся в холоде непонятных отношений. И последний шаг будет в твою комнату, а не обратно. И пусть этот след покроется вековой пылью и ее целостность не нарушит резкость обратного следа, потому что ботинки я выброшу сразу.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

– Это наша последняя встреча, – сказала ты, пряча взгляд в пустоту многолюдной улицы и ища поддержку в собственной растерянности. – Я больше не могу врать и притворяться. Проще расстаться и всё забыть. Так будет лучше тебе и мне.

Я совсем не возражал, но был с тобой не согласен. Мне лучше без тебя не будет. Ты предлагала заменить себя какой-то другой будущей непонятной женщиной, но я не мог представить никого лучше тебя. Зачем нужен неэквивалентный обмен? Я не хотел, чтобы ты переживала. Но я понимал, что мучиться вдвоем сложно. А одному за двоих, наверное, будет проще.

– Я не хотел, чтобы наши редкие свидания стали для тебя пыткой, шагами на Голгофу. Для меня они были радостью, от которой и до которой я пока еще выживал. Но ты, наверное, права – крест должен нести кто-то один, а не бригада измученных изумленных муравьев.

– Ты должен меня понять, я измучилась так жить. Я вздрагиваю от каждого телефонного звонка. Я боюсь назвать его твоим именем. Я всё время должна притворяться.

У тебя не было сил идти, и ты повисла на моей руке. Ты не утверждала, а спрашивала, с надеждой заглядывая в мои глаза. Мне казалось, что я понимал всё, о чем ты говорила, но не мог понять чего-то главного. Твои доводы были ясны и безупречны. Но я не мог ответить на два вопроса: зачем мы встретились, и как будем жить друг без друга дальше? Воспоминания всегда можно сложить в надежную шкатулку памяти и изредка доставать их оттуда и любоваться ими, но только не тогда, когда желания любить и чувствовать бурлят в тебе, не уместаясь ни в какие заповедные границы. Воспоминания – сухой остаток бывших переживаний. Слишком широко распахнулась дверь наших отношений и не хотела захлопываться ни перед нами, ни за нашими спинами. А я, оказалось, совсем не разбираюсь в дверных проблемах.

Ты ждала от меня поддержки, а у меня не было инструкции, как сделать так, чтобы никто не страдал. У меня есть паспорт и фамилия, но они всё равно не могут быть спасательным кругом. К сожалению, я родился голым, а умная инструкция или потерялась в роддоме, или зашифрована в пиктограмме родинок на моем теле. Всё равно нам от этого не легче.

И я наклонился и просто поцеловал тебя. Твои говорящие губы удивились, попытались втолкнуть в меня еще какие-то умные слова, но поняли, что бесполезно лить, когда уже через край. Они замолчали, но ненадолго. А потом, молча, спросили: «Это всё?»

Конечно, я не могу признаться, что у меня дрожали руки, но почему-то ключ никак не хотел слушаться моих пальцев.

Мы раздевались судорожно. Приличия оказались за бортом. Мы срывали друг с друга то, что снимается в самую последнюю очередь.

Мы, и только мы, знали и ощущали, что не виделись целых восемь с половиной дней и сорок пять минут. Это гигантское расстояние времени. Его можно написать на бумаге, но осмыслить всего количества одиночества невозможно.

– Это должна быть наша последняя встреча, – сказала ты хриплым срывающимся голосом. – Ну, скажи.

– Давай снимем сначала пальто. Оно может измяться, – ответил я, хотя пальто уже было покрыто глубокомысленными и укоризненными морщинками: нормальные люди раздеваются не так. Правила приличия, оказывается, я знал лучше, чем инструкцию. Мы перестали быть нормальными с тех пор, как встретились.

– Тогда давай уж ляжем на кровать. Мы успеем до нее дойти?

– Сомневаюсь, потому что у нас раньше это почти не получалось.

Я всегда восхищался тобой потому, что ты умеешь задавать такие вопросы, на которые я не только сразу не отвечаю, но никогда и не смогу найти ответа. Но меня всегда спасало то,

что можно не отвечать, прикинувшись ниже уровня их понимания. А ты, как мудрый человек, не обижалась на меня и задавала их снова.

– Ты меня любишь? – прошептали твои губы, обдавая жаром мое ухо. Твоя рука, совершенно бессмысленно, то поднималась, то опускалась по моей груди. То ли она хотела стереть всё, что произошло, то ли пыталась впитать, вобрать в себя весь мощный неподвластный хаос восхищения тобой. Твое тело стало еще более соблазнительно податливым. Таким, что, когда я тебя обнимал, на нем оставались отпечатки моих рук, но и я сам любой прикоснувшейся частью погружался в него так, что начинал тонуть и не хотел, чтобы меня спасали.

В твоём теле существует четыре степени доверия. Когда я только пытался тебя соблазнить, тело говорило, что можешь смотреть, но я, как музейный экспонат, который трогать руками нельзя. Свои восхищения можешь записывать только в книге отзывов.

Когда ты уходишь, в нём появляется жестокая жёсткость. Средневековый рыцарь в металлических доспехах себя чувствовал гораздо комфортнее, чем ты в своём теле.

Когда я тебя обнимаю, тогда ты не чувствуешь своего тела, а я не могу им насытиться. Когда мне не хватает рук, глаз, губ, чтобы суметь понять невероятность события прикосновения, твоё тело становится родным, близким, трепет его не прячется под скафандром одежды, а хочет, чтобы его укротили мои руки, а потом снова мечтает о наступлении нового трепета.

Когда ты спишь, твоё тело не принадлежит ни тебе, ни мне. Я люблю его разглядывать и наслаждаться обнаженной его естественностью. Я разгадываю загадку узора родинок – кто кому принадлежит: оно мне, или я ему; кто кому отдается: я тебе, или ты мне? В отсутствии границ, наверное, и заключена вся тайна близости человечества. А пограничные столбики мы сами втыкаем в целомудренную белизну еще не испорченных отношений

«Это наша последняя встреча, только давай не будем думать об этом. Обними меня».

Я всегда удивлялся своему безволию. И в этот раз я не смог тебе отказать. Я не только обнял тебя, но я еще прижался... А дальше ты не могла отказать. Партитура для пружин пожилой кровати была смята нашими телами. В комнате пело всё, что до сих пор молчало. Ты не прятала своих глаз, потому что они ничего не видели; ты не стеснялась своего тела, потому что оно принадлежало уже только мне; ты не боялась, что тебя кто-то услышит, а боялась, что могут не слышать мудрую вечность, ту звонкую перемигивку, которая соединяет мужчину и женщину с космосом. Ты была безумна, ты была похотлива, ты была развратна и безудержна. Я тонул в твоём теле, а потом рождался через него снова. Я знал, что нашел ту женщину, с которой умереть невозможно.

Любить можно часто, но любить так, чтобы нельзя было расстаться, надо жить с этой женщиной без выходных, прогулов и отпусков. И это не должно стать обязанностью, а должно превратиться в естественную, как воздух, необходимость.

– Это наша последняя встреча. Только ничего не говори, – сказала ты, когда голос начал тебя слушаться. Внимательно посмотрела на меня, зачем-то поцеловала меня и бархатным телом прижалась ко мне.

Мне не хотелось соглашаться. Мне хотелось тебя укусить. Больно.

– Ладно, пусть эта встреча не будет последней, – вдруг предложила ты. – Давай, следующая станет обязательно последней.

– Давай, – послушно и радостно промолчал я. У меня опять не хватило слов и желания возражать тебе.

Я ВЕРЮ В ТЕБЯ

Я верю в тебя. Я верю в твои горячие слова, которые ты шепчешь, обнимая меня. Я верю твоим губам, твоим шагам, тем мыслям, которых у тебя еще нет. Я верю, что наша ночь никогда не кончится, я верю, что всё равно одинокий день не разорвет ночной бесконечности. Я верю в то, во что верить невозможно. Но невозможно другим, а я верю.

Я даже верю в то, в чем ты сомневаешься. Я верю в твоё страшное молчание, когда твои глаза боятся сказать правду. Я знаю, что ты вернешься, потому что я верю. Соприкосновение обнаженных душ не может обмануть. Откровенность стала нашим паролем.

Я верю так же самозабвенно, как ребенок верит матери, как грешник верит в отпущение грехов, как больной верит каждому слову врача. Не верить тебе, значит, не любить тебя. Я верю, что всё бывает, но я точно знаю, что не может быть тебя без меня.

Нет ангелов среди нас. Я не верю в твою безгрешность. Но мне не нужно стерильного чуда. Пусть обо всем знают небесные чиновники. Они любить не могут, ведь любовь для них – самая главная ошибка природы. А я люблю тебя, и поэтому не могу не верить.

Я верю в себя, потому что просто люблю тебя. И если ты даже не выдохнешь свои сомнения, всё равно тебя не смогу разлюбить, потому что люблю твои сомнения.

Ты можешь не верить всему, но только верь мне так, как я верую в тебя.

В ПУСТЫНЕ

В пустыне можно не только думать, в ней можно и умереть. Без тебя я умирал много раз, но каждый раз знал, что еще рано, что мы еще не встретились. Песком забивались глаза, и вместо нужных милых слов скрипели и скрежетали на зубах песчинки отвратительных выражений. Но звезда всегда была над нами. Ты еще не видела ее света, а я всё еще только пытался его разглядеть.

Стертыми наждаком песка последними глазами мне виделось, что я иду к свету. Мне казалось, что ошибался я только раньше, до того, как мы встретились. Мне казалось, что когда добегу до твоего света, то мне больше не надо будет бояться темноты. Мне казалось, что не надо будет жевать песок нудной молитвы. Мне казалось, что с тобой я забуду все молитвы, потому что сам стану богом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.